

СМЫСЛ ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ НАЧАЛА XX В.

Людмила Николаевна Семенова

доктор исторических наук, доцент

Белорусский национальный технический университет (г. Минск)

Аннотация. В статье анализируется процесс смены циклов капиталистического развития и обосновывается, что начиная с XIX в. Россия противостояла капиталистической системе с её лидерами – Великобританией и США. Делается вывод от том, что смысл переломной эпохи начала XX в. в контексте развития мировой системы капитализма определяется выходом из системы России-СССР на фоне смены циклов капиталистического накопления с британского на американский. Этот перелом еще более обострил глубинное противостояние между североатлантическим капитализмом и евразийской системой.

Ключевые слова. Капитал, мировая капиталистическая система, системный цикл капиталистического накопления, территориалистская империя, мировая война, революция.

Как при сломе предмета становится видным его внутреннее устройство, фактура, так и в переломные эпохи обнажается нутро исторического процесса, многослойная структура социальной системы. Пытливые умы современников и последующих исследователей получают возможность за калейдоскопом наблюдаемых событий считать более глубокие смыслы, постигать длительные перспективы, по словам Ф. Броделя, на разных «сценических площадках». Что же обнажила переломная эпоха начала XX в., кульминацией которой стала Первая мировая война и Русская революция 1917 г. с ее Февральской и Октябрьской вехами? Представим широко обсуждаемую в современной литературе позицию в контексте теории капитализма.

К началу XX в. в глубоком кризисе оказалась мировая капиталистическая система, теория которой стала разрабатываться школой миросистемного анализа И. Валлерстайна. В отличие от капитала, понимаемого в качестве любого актива, овеществленного труда, приносящего прибыль, капитализм – это система, в которой оформляются социальные институты, необходимые для развития капитала и вместе с тем ограничивающие его функционирование в его же долгосрочных перспективах. Дж. Арриги сравнивает капитализм с волнообразно достраивающейся системой контроля (не производства и обмена) над рыночными отношениями и политикой государств [1, с. 6]. В силу

имманентно присущего капиталу трансграничного экспансионизма капитализм, первоначально охватывая ряд стран, составляющих его системное ядро, но постоянно расширяя региональные сферы своего применения за счет полу- и периферии, формируется и развивается только как мировая система, причем иерархически организованная. Зародившись в XVI в., капитализм к началу XX в., за практически четырехвековой путь своего развития, пережил ряд серьезных кризисов, прежде всего связанных со сменами системных циклов капиталистического накопления и соответственно – лидерства в мировой капиталистической системе.

Согласно Дж. Арриги, первым был генуэзский цикл накопления, однако при финансово-торговом лидерстве Венеции, превратившим Испанию и Португалию в колониальные империи. Затем с XVII в. последовал второй, голландский цикл. И Венеция, и Соединенные провинции выстраивали финансово-торговые цепочки (Голландия – в большей степени уже сети), бывшие опорой их монополии в европейских финансах и мировой торговле и управлении европейской межгосударственной системой – Вестфальской системой международных отношений, вне которых пребывала еще значительная часть мира. Россия, развиваясь самостоятельно, торговала с этой системой, продавая ей пеньку, лес и подобные товары, стараниями Петра I училась у нее, осваивала премудрости кораблестроения и прочие технологические новшества, но не была включена в нее.

Третий системный цикл капиталистического накопления – британский, пик которого пришелся на XIX в., – был уже принципиально другим. Pax Britannica характеризовался, по словам Дж. Арриги, «беспрецедентной централизацией мировой власти в руках одного государства – Великобритании». «...только Великобритания одновременно принимала участие в политике всех регионов мира и – что более важно – занимала ведущие позиции в большинстве из них. Впервые цель всех предыдущих капиталистических государств – стать хозяином, а не слугой глобального баланса сил – была в полной мере, хотя и ненадолго, достигнута ведущим капиталистическим государством эпохи» [1, с. 97]. Достигнуто это было за счет сочетания сетевой капиталистической и традиционной территориалистской имперской структуры, обеспечения мировой торгово-финансовой и промышленной монополии. Под руководством Великобритании активно налаживались международные коммуникации через железные

дороги и морские перевозки, за счет чего происходила невиданная политико-экономическая и переселенческая колонизация незападного мира. Дж. Арриги аргументировано называет британскую гегемонию фритредерским империализмом. Разностороннее могущество Великобритании позволило ей в одностороннем порядке следовать идеологии и практике свободной торговли, выкачивая из мира прибыли и ресурсы для себя и глобальной финансовой олигархии, сосредоточенной теперь в Лондоне. На земном шаре практически не осталось крупных регионов, в том или ином качестве не вовлеченных в мировую капиталистическую систему.

Теперь не миновала сия участь и Россию. В середине XIX в. Россия – «житница Европы», «фабрика по производству зерна» для «фабрики мира» Великобритании – еще имела с ней положительный торговый баланс. После Крымской войны противники России, они же – страны ядра мировой капиталистической системы под руководством Англии – уничтожили русский промышленный протекционизм и широко открыли русский рынок для экспансии своих капиталов. Прежде всего этим воспользовался французский капитал, но Франция, повторив путь Голландии, из соперника превратилась в младшего бизнес-партнера Великобритании. Недаром 1850–1860-е гг. стали «золотыми годами» британского процветания. Однако с 1870-х гг. Великобритания стала утрачивать свою торгово-промышленную монополию. Ее главными конкурентами стали США и Германская империя.

Менее могущественные Венеция и Голландия беспощадно управлялись с поднимавшимися конкурентами, пока, в конце концов, не примирились с ними и не встраивались в их более сильные системы. Как же должна была биться с набиравшими силу соперниками за свою гегемонию Британия? Эта борьба, определившая движение к новому системному циклу капиталистического накопления в первой половине XX в., и стала пульсирующим нервом переломной эпохи. Борьба Великобритании с США и Германией была по сути дела борьбой «со своими» – «младшими членами» возглавляемой Британией капиталистической системы Запада. С США после войны 1812 г. боролись преимущественно политическими интригами, пока в конце концов уже в середине XX в. не уступили им партию первой скрипки. Германию чужими руками сокрушали в ходе двух мировых войн. В воронку этой борьбы так или иначе были втянуты практически все страны мира, в том числе и Россия.

Мировая капиталистическая система не единожды втягивала Россию в свои «разборки». Капитал предпочитает решать свои задачи в тиши кабинетов, но при этом отнюдь не гнушается и политических действий, подогревая и направляя в выгодные для себя русла революции и войны. В таких случаях Россия – не торговая, а военная держава, как подчеркивали русские императоры, – была и сухопутным театром военных действий, и «пушкой» в боевых действиях для морских государств, особенно для Англии. Достаточно вспомнить ее хитроумную политику по формированию антинаполеоновских коалиций, в которых главная роль военного противоборства с Францией отводилась исключительно России. О Великобритании же ее премьер-министр Д. Ллойд Джордж в начале Первой мировой войны недвусмысленно сказал, намекая на финансы: «Мы и во время прежних войн побеждали при помощи серебряной пули» [2, с. 24].

Однако в начале XX в. обнажилась еще одна линия противостояния мирового капитализма, возглавляемого именно Великобританией, и России. Выстраивая крупнейшую в мире территориалистскую империю, Англия столкнулась с принципиально иной пространственной системой – Россией. Это был не внутрисистемный, а межсистемный конфликт. Как пишет А.И. Фурсов: «После наполеоновских войн ключевой чертой, осью евразийского и мирового развития становится борьба между двумя типами и логиками геоисторического развития, воплощаемыми североатлантическим, англосаксонским (англо-американским) миром, капитализмом, с одной стороны, и евразийским, русским (русско-советским) миром, представленным самодержавием, а затем коммунизмом, – с другой» [4, с. 114]. Переход к очередному системному циклу капиталистического накопления – американскому, еще более усугубил это сущностное противоречие.

Исходя из стратегии такой разноуровневой борьбы, Великобритания и выстраивала политическую тактику в начале XX в. в целом, и в Первой мировой войне – в частности: руками России разбить Германию, и «всеми возможными руками» разбить Россию. Отсюда и совместное членство с Россией в Антанте, и одновременно – закулисные переговоры ее участников о разделе России. Разбить Россию военными средствами оказалось невозможным. Поэтому ставка была сделана на революционные потрясения. И в краткосрочной перспективе план был близок к выполнению. Пало самодержавие, закончила существование Российская империя, губительная инъекция

двоевластия уже стала вспарывать тело русской системы. Большевики, установив единую советскую власть, казалось бы, могли наметить новый вектор развития, но они радели за мировую революцию, Соединенные Штаты Европы, и здесь интересы Коминтерна вполне совпадали с интересами «Фининтерна». Более того, они стали проводить новую экономическую политику, в рамках которой повели Советскую Россию прямо в объятия мировой капиталистической системы. Но на рубеже 1920–1930-х гг. ситуация изменилась. По словам А.И. Фурсова, «Команда Сталина свернула проект “мировая революция”, который в лучшем случае сохранял Россию в качестве сырьевого придатка “передового Запада”, в худшем – превращал ее просто в хворост, в расходный материал, и начала строить “социализм в одной, отдельно взятой стране”, красную империю – четвертый Рим как системный антикапитализм» [3]. Именно советский социализм, по словам А.И. Фурсова – системный антикапитализм, и переломил ход развития мировой капиталистической системы. СССР вернулся на путь собственного системного развития, вынудив мировой капитализм к серьезному структурному реформированию для разрешения глубоких противоречий.

Смысл переломной эпохи начала XX в. в контексте развития мировой системы капитализма определяется выходом из системы России-СССР на фоне смены циклов капиталистического накопления с британского на американский. Этот перелом еще более обострил глубинное противостояние между североатлантическим капитализмом и евразийской системой.

Библиографический список

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.
2. *Ллойд Джордж Д.* Речи, произнесенные во время войны: Воспоминания. Мемуары Мн., 2003.
3. *Фурсов А.И.* Большая война XX века // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. URL: http://andreyfursov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/ (дата обращения: 30.05.2016).
3. *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия // Русский интерес. М., 2015.